

ПРОЩАЙ, ВИШНЕВЫЙ САД!

...Белые-белые декорации (художники-постановщик В. Бояр). В центре — огромное, до пола, окно. За ним пока пред-рассветная мгла, но еще немного, и в комнату хлынет яркий утренний солнечный свет. Справа — белый шкаф, тот самый, «многоуважаемый», слева — белый диванчик, на котором прикорнул с книгой невзрачный человечек, хлипенький и нескладный, поди, угадай в нем будущего владельца вишневого сада

Еще несколько мгновений тишины, и на сцене засуетятся люди, встречающие и приехавшие, и пройдет медленно немолодая красивая дама, задумчивая, словно вслушивающаяся во что-то неслышное остальным — в голос судьбы. Она вся во власти смутных предчувствий, обреченно готовая принять любое будущее, которое готовит ей судьба, зная твердо одно — в этом будущем ее гибель. И к этой гибели неуклонно, безотчетно сама будет стремиться...

Говорят, что премьеру публики (в основном городская элита) приняла прохладно. Зли ли для этого основания? Скорее всего — да. Спектакль неровен, многие режиссерские придумки вызвали откровенное недоумение, актеры, охваченные премьерным волнением, чувствовали себя скованными.

Я смотрела уже третью постановку. В зале сидели одни школьники. Первые минуты вокруг меня ерзали, шуршали, хихикали, шепотом переговаривались и вдруг замолкли, притихли, увлекшись, а в финале аплодировали стоя. Так что, значит, спектакль все-таки состоялся?

Кемеровский драмтеатр прогорает. Бесконечные отмены. Бывает, едва собирается партер даже в премьеры. А этим летом отказались от гастролей — ехать не на что.

И вот в такой вот ситуации, казалось бы, полной безнадежности, театр выпускает в конце сезона «Вишневый сад» (режиссер Сергей Стеблюк), выпускает второпях, и следы этой торпливости видны и в сценографии (к примеру, не успели сделать устойчивую декорацию, и сплущенные на тротуар с потолка березовые стволы

сиротливо колыхались от малейшего движения воздуха); и в костюмах, которые оказались очень и очень далекими от прелестных, изящных эскизов французской художницы Сегрун (кстати, ими можно было полюбоваться на любопытной выставке в фойе, посвященной истории «Вишневого сада» на нашей сцене); и в явной актерской неслаженности в некоторых эпизодах, да наконец и в том, что для самого режиссера спектакль еще не сложился в единое целое. Отчетливо видя «провалы», он готов что-то додумывать, изменять, подгонять.

Объективно спектакль находится на стадии прогонов, преждевременно вынесенных на зрительский суд. И тем не менее... Тем не менее он уже живет, в нем уже найдена пронзительная интонация, создающая общее эмоциональное настроение, в нем есть блестящие актерские работы, и, главное, при всех своих «перепалках», при подчас излишней многозначительности он очень человечен.

Буквалистско-бережное отношение к первоисточнику у Стеблюка соединилось с недолимым желанием «поиграть» с пьесой, «покрыть» ее так и эдак, включить в действие как можно больше собственных мотивов, и в конечном счете рассказал свою историю, в которой сам вишневый сад в общем-то никому и не нужен. В центре же — история неудавшейся, мезальянской, всепоглощающей любви, которая проигрывается в разных вариантах: обреченно-трагическом (Раневская — Т. Майорова), восторженно-лирическом (Аня — О. Долганова), смиренным (Варя — Л. Гольштейн), трогательно-робком (Лопахин — С. Кириллочкин, а в первых двух спектаклях — артист Театра имени Моссовета С. Старчиков), пародийно-романтическом (Епиходов — А. Желтов), безоглядно-доверчивом (Дуняша — В. Курилова).

Но «Вишневый сад» прежде всего комедия, и все эти волнения, вся эта душевная смятенность, весь этот праздничный неразделенной любви спрофанированы. Разве далекий парижский любовник Раневской, ничтожный мот и ветреник,

или инфантильный увалень, недоучившийся студент Петя Трофимов (А. Заводюк), увлеченный лишь своими утопическими идеями, или самовлюбленный лакей Яша (В. Кирилленко) стоят хоть мизинца тем, кто страдает и мучается от любви к ним, отказываясь ради них, может быть, от своего настоящего счастья?

Смутные надежды вспыхивают и рушатся, и возникают вновь. Все зыбко, неопределенно. Герои томятся желанием обрести свое подлинное «я» в этой ускользающей любви, которая для них — последняя возможность стать тем, кем они себя на самом деле считают: Лопахин — человеком «общества» (а чего только стоит его костюм — шегольская бабочка и начиненные сапоги!); статная красавица горничная Дуняша — нежной, благородной девицей; маленький, как вострапанный воровбушек, недотепа Епиходов — отчаянным удалцом.

Это невероятно смешно, и это так грустно...

В «Вишневом саду» любовный треугольник слуг — пародийный отыгрыш драмы любви хозяев. И то ли от того, что не довлекла над ними сковывающая необходимость создавать некие значительные и глубокие обобщения, то ли просто от своей личной склонности именно к комедии, но великолепное trio Яша — Дуняша — Епиходов разыгрывало свои мини-интермедии, в которых сквозь претенциозные амбиции и ложно-романтический пафос прорывались подлинные, искренние чувства, с азартом и блеском, чего, увы, не доставало «серьезным» героям, еще не совсем «чувствующим» друг друга, еще не доверяющим полностью своей интуиции, то и дело старающимся «сыграть», «изобразить».

Так, «пережимал» в эмоциях Лопахин, очень и очень старательно изображала то нежность, то отчаяние Варя, принимала эффектные позы Раневская...

И в то же время... Вот присел Лопахин рядом с Раневской — и засияли, потеплели глаза влюбленного купчика. Протяни тайная дама его сердца руку, улыбнись ему, и толь-

ко ему, — горы бы своротил. Но она задумчиво, не замечая этих глаз, говорит о своем, мучительно-безнадежном, и он сникает, гаснет, оседает.

А вот Варя ссорится с Епиходовым, и актриса в запале начисто забывает о столь тщательно создаваемом ею имидже — перед нами одинокая, озлобленная и очень несчастная девушка, и это, а не слащавая нежность, ее подлинное лицо. Тему роковой обреченности всего этого зыбкого смятенного мирка Т. Майорова раскрывает тонко и умно, но Стеблюк, словно из опасения, что зритель не поймет, многократно усиливает ее.

Но и не только здесь чувствуется этот эмоциональный нажим. Он и в прямолинейности эпизода встречи с напугавшим Раневскую прохожим: багровеет небо, прохожий (В. Мирошниченко), рыча «Дубинушку», словно репетирует здесь, в тихом помещицьем парке, близкий семнадцатый год. Он и в том, что специально вставлен исключенный Чеховым по просьбе Станиславского диалог-исповедь фокусницы-гувернантки Шарлотты (Л. Цуканова) и большого старого слуги (А. Дахненко). Они единственные, кто ясно видит тьму всей суевы вокруг. Все тлен, все пройдет, всему есть предел — могла.

Подобным нажимом поначалу хочется объяснить и присутствие в спектакле кажущейся чужеродной для стилистики пьесы музыкальной темы — голоса Эдит Пиаф. Но потом оказывается, что в этой неровной постановке он не только уместен, но, может быть, даже единственно возможен.

Возникающий сперва чуть слышимым, далеким эхом, он становится постепенно все отчетливее, и в финале, когда герои, терпеливо сидящие на перроне в ожидании поезда, что увезет их в никуда (а над ними плакат: «Счастливого пути!»), напряженно, сквозь пространство века глядят в зрительный зал, в нас, в свое несостоявшееся будущее, голос певицы, звучный, сильный, заполняет все вокруг, властно зовя их всех туда, где им никогда не бывать.

Прощай, вишневый сад!

Тамара СЕРГЕЕВА.